

Мѣропріятія правительства и церкви противъ народныхъ суевѣрій ¹⁾.

Очеркъ народныхъ суевѣрій. Тайственные явленія или привидѣнія. Сновидѣнія. Слышимые тайственные голоса. Знаменія небесныя. Языческій фетишизмъ, чудодѣйственныя узелки. Гаданіе по Библии. Кудесничество. „Коровья смерть“. „Чародѣйная порча“. Колдовство. Знахарство и ворожба. Привидѣнія. Предвѣщанія. Примѣты и гаданья. Святочныя гаданья дѣвушекъ о замужествѣ. „Катанье на нечистыхъ“. Заколдованные клады и обряды при ихъ добываньи. Домовые и лѣшіе. Оборотни. Чародѣи и чародѣйки. Кликуши. Пускаемые по вѣтру „дьявольскіе червяки“. Чародѣйное похищеніе дѣтей у роженицъ. Волшебное вызываніе тѣней умершихъ и угадываніе чужихъ мыслей. Чародѣйные заговоры и наговоры. Нашептанные корешки съ цѣлю приворожить женщину. Наговоры картежниковъ. Чародѣйное средство для мнительныхъ мужьевъ испытывать супружескую вѣрность своихъ женъ. Чародѣйный обрядъ любовниковъ съ цѣлю приворожить дѣвушку. Мнимые юродивые—прозорливцы, лживые пророки и пророчицы.

Русское общество эпохи царствованія Екатерины II въ общемъ представляло картину хаотическаго смѣшенія свѣта просвѣщенія съ тѣнями и мракомъ невѣжества, малокультурности и мистицизма. Изъ этой темной массы лишь немногіе выдѣлялись истинно просвѣщенными понятіями и здравыми взглядами на вещи; они составляли счастливое исключеніе. Невѣжество же и полупросвѣщеніе всегда и вездѣ были источникомъ грубыхъ предрасудковъ и суевѣрій. Такъ было и у насъ. „Русскіе суевѣрнѣйшій народъ въ свѣтѣ“, говоритъ венеціанецъ Казанова въ своихъ запискахъ отъ 1765—6 г. ²⁾.

¹⁾ Статья эта составляетъ одну (вторую) главу изъ обширнаго и научнаго труда А. В. Кубинцева. Ред.

²⁾ Русс. Стр. 1874 года, т. IX, 543.

Въ самомъ дѣлѣ, въ это время чуть не всѣ, не исключая и видныхъ общественныхъ дѣятелей, были заражены суевѣріями. Убѣдиться въ этомъ не трудно. Чичаговъ и Потемкинъ вѣрили въ примѣты и предсказанія, позднѣе Аракчеевъ вѣрилъ въ ворожбу ¹⁾. Прочтемъ чьи угодно мемуары того времени—записки Державина, Дмитріева, Мертваго, Давыдова, Болотова и др., и мы непременно найдемъ въ нихъ одинъ или нѣсколько рассказовъ о таинственныхъ событіяхъ, явленіяхъ, привидѣніяхъ, чародѣяніяхъ, которые приводятся составителями записокъ, какъ такіе факты, которые имѣли мѣсто или въ ихъ личной жизни, или же въ жизни ихъ родственниковъ, знакомыхъ и чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ въ нашей жизни людей ²⁾. Разказы эти несомнѣнно свидѣтельствуютъ о большей или меньшей склонности къ суевѣріямъ самихъ мемуаристовъ. Державинъ, посланный для поимки Пугачева, остановился со своими товарищами переночевать въ одной крестьянской избѣ. „Тутъ, рассказываетъ онъ, привидѣлось ему на баснь похожее видѣніе, котораго онъ тогда никому не объявлялъ, дабы не привести болѣе въ робость“ (сопутствовавшихъ ему).

А именно: когда онъ (Державинъ) разговаривалъ, стоя среди покоя въ квартирѣ своей, съ бригадиромъ Лодыженскимъ, да съ секретаремъ П. Ив. Новосильцевымъ, то, взглянувъ нечаянно въ боковое, маленькое, крестьянское окно, увидѣлъ изъ него выставившуюся голову скелета, бѣлую, подобно какъ бы изъ тумана составленную, которая, вытараща глаза, казалось, хлопала зубами. Сіе хотя онъ въ мысляхъ своихъ принялъ за худое предвѣщаніе, но однакоже въ предпринятый свой путь безъ всякаго отлагательства поѣхалъ ³⁾. Между дворянами екатерининскаго времени переходило изъ устъ въ уста преданіе, будто императрица Анна Ивановна передъ смертію видѣла тѣнь свою на тронѣ, испугавшись, пригласила гренадеръ и велѣла стрѣлять въ нее изъ ружей,—тѣнь пропала; но на другой день императрицы не стало ⁴⁾. Сновидѣнія не только для людей малообразованныхъ, но и для людей просвѣщенныхъ, особенно масоновъ, казались иногда таинственно-пророческими внушеніями ⁵⁾, языкомъ добраго или злого генія, предупрежденіемъ, знакомъ и предсказаніемъ.

¹⁾ „Дѣло“ 1873 г. 12,309.

²⁾ Зап. Держ. 83; Зап. Дмитр. 43—44. Зап. Мертваго 153. Русск. Стр. III, 784.

³⁾ Зап. Державина, 83.

⁴⁾ Дмитр. „Взглядъ на мою жизнь“, 97; ср. „Записки Энгельгардта“, стр. 5—8.

⁵⁾ „Зап. Болотова“ IV, 707.

Въ Русской Старинѣ ¹⁾ разсказывается, между прочимъ, какъ одна княгиня слышала во снѣ чей-то голосъ, повелѣвавшій ей послать мужу, воевавшему съ пруссаками, икону съ изображеніями съ одной стороны Николая Чудотворца, а съ другой—Живоноснаго Источника. „Она исполнила повелѣніе“.

Болотовъ простодушно разсказываетъ, что онъ предъ своей женитьбой видѣлъ во снѣ не одинъ разъ свою невѣсту, которой онъ прежде не зналъ. Принявъ сновидѣніе за таинственныя указанія, онъ женился на ней, ничуть не сомнѣваясь, говоритъ онъ, въ счастливомъ выборѣ жены ²⁾. Вѣрившіе въ необыкновенное пророческіе сны иногда впадали въ мрачное настроеніе, теряли обычную „веселость“, когда сновидѣніе казалось имъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Александръ Ильичъ Давыдовъ видѣлъ себя во снѣ діакономъ, служащимъ съ архіереемъ; предъ началомъ пѣнія „вѣрую“ онъ замѣтилъ, что волосы съ его головы упали къ его ногамъ, и что на плечахъ его мертвая голова.

Принявъ этотъ сонъ за предзнаменованіе своей скорой смерти, онъ лишился своей прежней веселости ³⁾. Видѣвшій во снѣ „попа“ опасался получить какую-нибудь непріятность ⁴⁾. Болотовъ находилъ въ нѣкоторыхъ снахъ указаніе на имѣющія совершиться въ недалекомъ будущемъ, „удивительныя происшествія“ ⁵⁾. Потемкинъ также занимался снотолкованіями и привидѣніями ⁶⁾. Вообще, вѣра въ предвѣщаніе сновъ была общераспространенною, какъ и вѣра въ таинственныя привидѣнія и предчувствія ⁷⁾. Появленіе облаковъ на небѣ въ необыкновенной формѣ, думали, предсказываетъ о весьма важныхъ событіяхъ, имѣющихъ вскорѣ совершиться въ сферѣ жизни политической или общественно-народной и пр. ⁸⁾. Сѣверное сіяніе казалось многимъ особымъ небеснымъ знаменіемъ. Такъ многіе думали о сѣверномъ сіяніи, бывшемъ въ 1770 г. Простой народъ видѣлъ въ немъ предсказаніе сильной кровавой войны ⁹⁾.

Особенно сильное впечатлѣніе производили на суевѣрный народъ необыкновенныя явленія міра астральнаго. Комета 1744 года

¹⁾ IV, 694.

²⁾ Зап. Болотова, т. II, 462, 475.

³⁾ Русск. Ст. III, 784.

⁴⁾ Зап. Болот. т. IV, 237.

⁵⁾ Т. III, 150.

⁶⁾ Русск. Стар. V, 467.

⁷⁾ Русск. Стар. V, 463, 554, 564—69; IV, 694; VШ, 831

⁸⁾ Русск. Стар. V, 185; „Зап. Порошина“ 33 стр.

⁹⁾ Зап. Болотова, т. II, 820.

съ длиннымъ хвостомъ и шестью загнутыми лучами волновала суевѣрнымъ страхомъ городскихъ и сельскихъ жителей.

Въ Шацкомъ уѣздѣ (Тамбовской губерніи), было дѣло по поводу слуховъ о предвѣщаемыхъ будто бы этой кометою бѣдствіяхъ ¹⁾. Не менѣе того проникался народъ суевѣрнымъ страхомъ при появленіи моровой язвы, засухи, голода и т. п. общественныхъ бѣдствій. Поражаемый ужасомъ смерти, онъ искалъ чудесъ, какъ, наприм., во время московской чумы въ 1770 году. Во время подобныхъ народныхъ бѣдствій въ народѣ появлялись сновидцы, которые, въ предовращеніе бѣдъ, призывали народъ къ служенію молебновъ съ возжженіемъ свѣчъ предъ той или другой иконой въ ожиданіи отъ нея чудесныхъ исцѣленій.

Въ Москвѣ „попъ Всѣхъ Святыхъ, что на Кулижкахъ“, объявилъ во время чумы въ 1770 г. икону Боголюбской Богоматери на Варварскихъ воротахъ чудотворной ²⁾. Напрасно правительство во время московской чумы прибѣгало къ санитарнымъ мѣропріятіямъ въ видахъ сохраненія общественнаго здоровья. Религіозное суевѣріе оказывалось сильнѣе здраваго смысла, и тѣмъ легче первое брало перевѣсъ надъ послѣднимъ, что при тогдашнемъ религіозномъ невѣжествѣ, набожность часто смѣшивалась съ самымъ грубымъ суевѣріемъ; такъ, напримѣръ, Чичаговъ чародѣйственнымъ „узелкамъ“ приписывалъ одинаковую спасительную силу съ иконами Николая Чудотворца и Іоанна Войственника ³⁾. Библия обращалась иногда въ средство для гаданій. Болотовъ прибѣгалъ къ гаданію по ней въ тѣхъ случаяхъ, когда затруднялся рѣшиться на то или другое дѣло; для этого онъ открывалъ съ „молитвеннымъ вздохомъ“ Библию и прочитывалъ первыя попавшіяся на глаза строки; мысль, найденная имъ въ прочтенныхъ строкахъ, рѣшала занимавшій его вопросъ. Въ этомъ отношеніи онъ называлъ Библию наилучшимъ совѣтодателемъ ⁴⁾.

Религіозные предметы и дѣйствія обращались иногда въ кудесничество. Такъ, родители, у которыхъ рождавшіяся дѣти умирали, прибѣгали къ слѣдующимъ суевѣрнымъ средствамъ, чтобы дѣти ихъ жили: они писали образъ по мѣркѣ съ рожденнаго, изображали четыре рождества на одной иконѣ, а также заставляли крестить новорожденнаго первыхъ встрѣтившихся мужчинъ и женщинъ.

„Когда же эти средства не помогали, то въ отцы и матери

¹⁾ Зап. Державина, стр. 6.

²⁾ Болотовъ, т. III, 17—18.

³⁾ Зап. Храповицкаго, 271.

⁴⁾ Болот., IV, 243.

крестные отыскивали такихъ людей, которые бы точно такихъ именъ были, какъ отецъ и мать родные, и точно тѣхъ ангеловъ“¹⁾. Не странно поэтому свидѣтельство Болотова, что народъ во время московской чумы бросалъ по дорогамъ, во избѣжаніе чумы, шляпы, палки, либо другія какія вещи изъ одежды, принадлежавшей зачумленнымъ: ибо черный народъ, говоритъ онъ, выбралъ тогда самое адское суевѣріе и предразсудокъ пагубный, если хотять, чтобы чума гдѣ пресѣклась, то надобно что-нибудь зачумленное кинуть на дорогу, и тогда, если кто подниметь и принесетъ (брошенное) домой, то тамъ сдѣлается чума, а въ прежнемъ мѣстѣ пресѣчется²⁾. Во время скотскихъ падежей народу казалось, что причина мора—„коровья смерть“: какой деревней или селомъ она пробѣжитъ, тамъ и моръ. Фантазія народа усвоила ей причудливый образъ; нѣкоторые ее видѣли: она вся отъ ногъ до головы бѣлая, бѣгаетъ очень быстро; ноги коровьи, голова бычачья. Изловить ее очень трудно,—пропадаетъ; для этого одно средство: вырыть глубокій ровъ, поставить туда корову, а сверху, по бокамъ рва, натыкать пикъ. Идя къ коровѣ, смерть наткнется на пики и умретъ³⁾. При общей суевѣрной настроенности всѣ простыя, но непонятныя для темныхъ людей явленія объяснялись или ворожбой или порчей злыхъ людей. Подозрѣніе этого рода всего чаще падало на тѣхъ, съ кѣмъ жили въ несогласіи или ссорѣ. Предразсудками этого рода было заражено даже духовенство, охотно раздѣлявшее простонародную вѣру въ колдовство и чародѣйную порчу. Въ запискахъ Болотова разсказывается, что въ селѣ Болотовкѣ у одного изъ двоихъ священниковъ о. Иларіона сгорѣлъ домъ; погорѣвшій никакъ не хотѣлъ строиться вновь, и особенно на новомъ мѣстѣ, изъ опасенія, чтобы сослуживецъ его о. Иванъ чего не „наворожилъ“ на новомъ мѣстѣ. Въ подтвержденіе своего, якобы справедливаго, подозрѣнія на отца Ивана, онъ разсказалъ Болотову слѣдующую исторію, когда тотъ совѣтовалъ отцу Иларіону заняться постройкою дома.

„Случилось мнѣ однажды, говорилъ онъ, новыя ворота становить. Выкопавши подъ верей ямы, не успѣли мы въ тотъ день оныя поставить и отложили дѣло сіе до другого дня. Но между тѣмъ люди добрые сыграли надъ воротами моими штуку. Не успѣли мы на другой день верей поставить, ямы законать и ворота отдѣлать, какъ вдругъ не хотѣла въ оныя идти ни одна скотина: бѣгали кругомъ, ревели, и въ ворота вогнать никоимъ обра-

¹⁾ Зап. Болотова, I, 201—2.

²⁾ Болот., т. III, 39.

³⁾ Зап. Болот., т. II, 689.

зомъ ни одну было невозможно. Сколько мы ни дивились, скотина не шла, и мы не знали, что дѣлать. Наконецъ одинъ усердствующій мнѣ бобыль вывелъ дѣло наружу и сказалъ мнѣ, чтобы я, выкопавши веревъ, посмотрѣлъ, что подъ ними закопано. Сдѣлалъ по его совѣту. И что жъ мы нашли подъ ними? Зарытую человѣческую кость, которая, по мнѣнію отца Иларіона, была положена отцомъ Иваномъ. Кость вынули, веревъ опять поставили и зарыли, и скотина пошла какъ слѣдуетъ. Увѣряя Болотова въ дѣйствительности этого происшествія, о. Иларіонъ присовокупилъ, что онъ того самаго опасается и нынѣ на новомъ мѣстѣ строиться; ибо слышалъ, что товарищъ его посылалъ къ какой-то вѣдьмѣ и что будто не одну ночь собаки его мечутся къ тому мѣсту, гдѣ онъ строиться былъ намѣренъ“¹⁾.

Въ 1795 году аткарскій священникъ Прохоровъ увидѣлъ въ церкви на крестовомъ гайтанѣ (шнуркѣ) посадскаго человѣка Ивана Полякова узелокъ, въ которомъ было что-то зашито. Это обстоятельство послужило священнику поводомъ преслѣдовать Полякова судебнымъ порядкомъ, обвиняя его въ занятіи колдовствомъ²⁾.

Не одинъ аткарскій священникъ вѣрилъ въ колдовство и чародѣйство: такихъ священниковъ, нужно полагать, было очень много³⁾. Болѣзни, сопровождавшіяся бредомъ, истеріей, объяснялись злона-

¹⁾ Зап. Болот., т. II, 795.

²⁾ „Заря“ 1871 г. № 1, 175. Ст. Мордовцева: „Русскіе чародѣи и чародѣйки конца прошлаго вѣка“.

³⁾ Если мы встрѣчаемся съ укоренившимися въ духовенствѣ суевѣрїями, то въ этомъ ничего нѣтъ страннаго. Въ первой половинѣ XVIII в. воспитанники Московской академіи выносили твердое убѣжденіе въ возможность колдовства, чародѣйныя порчи и т. п. изъ находившагося въ догматическомъ богословіи трактата „De contractibus diabolicis“. Теофилактъ Лопатинскій представляетъ слѣдующее опредѣленіе и дѣленіе этого понятія: *Contractus diabolicus est pactum, cum diabolo initum et dividitur in magiam, divinacionem, superstitionem, vanam, observantiam et maleficium*. „Колдуны, говоритъ онъ, рукою вырываютъ съ корнемъ крѣпчайшее дерево; цѣлыя поля съ засѣвами переставляютъ съ мѣста на мѣсто, обращаются въ невидимокъ, измѣняютъ фигуру человѣка“.

Особый родъ колдовства есть порча, *maleficium*. Противъ сего ала совѣтуется сжигать повязки, пряди волосъ, узлы и т. п. знаки порчи, брить волосы на головѣ колдуна прежде, нежели начнутъ его пытать, потому что въ нихъ, можетъ быть, скрывается сила, дѣлающая его нечувствительнымъ къ пыткамъ. (Истор. слав.-греко-лат. акад., стр. 150). Дѣти родителей, почерпнувшихъ изъ догматики ученіе о колдовствѣ, естественно должны были проникнуться этими суевѣрными понятїями и перенести ихъ во вторую половину XVIII вѣка.

мѣренной порчей и колдовствомъ кого-нибудь изъ недруговъ ¹⁾, и больные большею частію обращались не къ врачамъ, а къ знахарямъ ²⁾. Существовали городскіе колдуны ³⁾, какъ въ настоящее время—городскіе врачи. Ворожбой и гаданьемъ занимались по преимуществу цыганы.

Отъ даннаго времени остались записанными примѣты и гаданія. Такъ получить, въ самый день рожденія дитяти или на другой день, какой-нибудь подарокъ—значило, что новорожденный будетъ любимъ всѣми, его знающими ⁴⁾.

Рожденіе ребенка, совпадавшее съ появленіемъ сѣвернаго сіянія, также служило добрымъ предзнаменованіемъ ⁵⁾. Кукованіе кукушки повергало въ глубокую печаль того, кто слышалъ кукованіе ея „натошакъ“, ибо это предвѣщало ему скорую смерть ⁶⁾. Если при выѣздѣ со двора за какимъ-нибудь дѣломъ, снесетъ вѣтромъ съ головы шапку, то думали, что въ предпріятіи не будетъ успѣха. Во избѣжаніе этого слѣдствія нужно было воротиться на часъ домой ⁷⁾. Крикъ сверчка въ комнатѣ предвѣщаль дурное тому, кто входилъ въ комнату изъ постороннихъ; чтобы избѣжать дурныхъ послѣдствій, нужно было пройти въ другую комнату ⁸⁾. Просыпанная соль, 13 человекъ за столомъ, вытье и рытье земли собакой, карканье вороны надъ домомъ—дурныя примѣты, снесенное пѣтухомъ яйцо (?), пѣнье курицы пѣтухомъ, найденная иголка безъ ушка, булавка безъ головки, положенные на крестъ ножъ и вилка—все это тоже не къ хорошему. Если сговоренная дѣвушка не „выла“, то думали, что житье ея будетъ дурно. „Коли не поплачешь за столомъ, говорили матери и бабушки своимъ сговореннымъ дочерямъ и внучкамъ, такъ наплачешься за столбомъ“ ⁹⁾. Въ комедіи „Подражатель“, Скопидомова учитъ свою дочь: „Тихонько положи на порогъ замокъ, и какъ женихъ перейдетъ черезъ порогъ, такъ ты замокъ замкни и спрячь“. Это примѣта, чтобы женихъ отъ сватовства не отсталъ ¹⁰⁾. Та же Скопидомова заставляетъ свою дочь

¹⁾ Болот. т. III, 706, 711.

²⁾ „Живописецъ“ 149.

³⁾ Сочин. Имп. Екатер. II, т. II, 499.

⁴⁾ Зап. Болот. 4, 1078

⁵⁾ Ibid 11, 1076.

⁶⁾ Болот. 688.

⁷⁾ Соч. Екат. II, т. I, 444.

⁸⁾ Соч. Екат. II, т. II, 25.

⁹⁾ „Русск. сатир. журн.—1769—74 г.“ Аванасьева.

¹⁰⁾ Ibid.

чернить зубы: по ея мнѣнію, у которой дѣвушки зубы черны, та будетъ счастлива“¹⁾. Жениха съ невѣстою послѣ вѣнца сажали на „двѣ“ овчинныя и весьма косматыя шубы: это значило, по словамъ „И то и се“, „жить имъ богато“²⁾. За ужиномъ наканунѣ вѣнчанія, женихъ долженъ былъ въ продолженіе стола держать невѣсту за руку, не опуская ее ни на минуту, потому что отъ опущенія ея, думали, случается великое несогласіе между мужемъ и женою³⁾.

Заключалась нѣкоторая задача и въ предосторожности, чтобъ невѣста за ужиномъ не брала въ руки вилку, а принимала кушанье изъ жениховыхъ рукъ устами⁴⁾.

Святки сопровождались гаданьями. Наканунѣ этого праздника, по захожденіи солнца, изъ разныхъ домовъ собирались дѣвушки въ одну, назначенную ими, комнату, брали красное деревянное блюдо, покрывали его большимъ платкомъ и клали на него небольшой кусокъ хлѣба и уголь. Послѣ этого дѣвушки загадывали на перстняхъ, на кольцахъ, на запонкахъ и другихъ подобныхъ вещахъ, касались ими краевъ блюда и клали ихъ подъ платокъ. Затѣмъ усаживались всѣ рядомъ и запѣвали пѣснь хлѣбу... Окончивъ пѣніе, ломали хлѣбъ и дѣлили кусочки между собою. Эти кусочки завертывали онѣ въ рукавъ и спали съ ними, чтобы пригрелись вѣще сны. Послѣ этого пѣли подблюдныя пѣсни; за каждой пѣснію вынимали изъ блюда вещи и, по значенію пѣсенныхъ словъ, гадали о судьбѣ той, чья вещь вынулась. По окончаніи подблюдныхъ пѣсенъ, шли въ пустую комнату, гдѣ стояло на столѣ зеркало съ зажженными по сторонамъ его свѣчами; гадающая дѣвушка садилась предъ нимъ и, загадывая, произносила: „суженый, ряженый, покажися мнѣ въ зеркалѣ!“ Зеркало начинало тускнѣть, и дѣвушка протираетъ его нарочно приготовленнымъ полотенцемъ. Наконецъ, суженый является и смотритъ изъ-за ея плечъ въ зеркало; разсмотрѣвъ его черты, дѣвушка кричитъ: „чуръ сего мѣста!“ и нечистый пронадаетъ⁵⁾. Гадая, дѣвушки спрашивали вечеромъ имя перваго попавшагося мужчины; его имя должно было быть именемъ жениха и мужа⁶⁾. Кромѣ гаданій, на святкахъ происходило „катанье на нечистыхъ“. Дѣвушки брали воловью шкуру, несли ее на рѣку къ проруби, разстлали и, очертивъ кругъ нарочно сдѣлан-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Русск. Стар. IV, 695.

нымъ для того огаркомъ, садились на нее. Изъ проруби должны были выйти водяные и возить ихъ сколько угодно. Это называлось „катанье на нечистыхъ“¹⁾.

Простонародную вѣру въ существованіе заколдованныхъ кладовъ и въ возможность добыванія ихъ, при соблюденіи суевѣрныхъ обрядовъ, раздѣляли даже такіе люди, какъ напр., могилевскій губернаторъ Энгельгардтъ. Повѣривъ народной молвѣ, что въ верстахъ 40 отъ Москвы, на кладбищѣ, находится богатый кладъ, онъ послалъ прокурора губернскаго магистрата Полтавцева для открытія сокровища. Полтавцевъ пригласилъ до 40 человѣкъ лопатниковъ, взрылъ кладбище, но кладъ „не дался“²⁾. Люди корыстолюбивые, желавшіе обогатиться во что бы то ни стало посредствомъ добыванія кладовъ, иногда рѣшались на преступленіе, убійство, если только этого требовалъ, по ихъ мнѣнію, кладъ. Такъ въ Сибири во 2-ой половинѣ XVIII в. существовало всеобщее убѣжденіе, что недалеко отъ Кяхты скрывается богатѣйшій кладъ. Многіе хотѣли овладѣть этимъ кладомъ, но безуспѣшно. Наконецъ двое братьевъ (кяхтинскіе мѣщане) рѣшились, во что бы то ни стало, добыть таинственный кладъ. Они изрыли всѣ тѣ мѣста, гдѣ, по ихъ соображенію, находился кладъ; но все напрасно; служили молебны, постились, а кладъ не давался.

Выведенные изъ терпѣнія неудачей, они рѣшились прибѣгнуть къ мудрости шамана, который жилъ гдѣ-то недалеко отъ Кяхты и славился по всей окрестности дивными чудесами. Запасшись подарками, братья отправились къ шаману. Шаманъ отвѣчалъ имъ, что съ просьбами подобнаго рода онъ никогда не обращался къ духамъ, а потому не знаетъ, благоволятъ ли они удостоить его отвѣтомъ. Братья съ почтеніемъ поднесли шаману подарки: плитку кирпичнаго чаю и пачку табаку, обѣщая сверхъ того жирнаго барана, въ случаѣ успѣха. Шаманъ рѣшился испросить волю духовъ относительно клада; облекся въ свой нарядъ, взялъ бубенъ и принялся работать языкомъ и тѣломъ. Долго кричалъ и кривлялся шаманъ, наконецъ, онъ растянулся и пророческимъ голосомъ проговорилъ: „принесите духу въ жертву человѣка—и сокровище—ваше!“ По долгомъ размышленіи объ этомъ отвѣтѣ, братья рѣшились принести въ жертву духу свою больную сестру. Прибывъ на мѣсто кладорытія съ сестрой, они разожгли костеръ, связали сестру и лишь только хотѣли совершить жертвоприношеніе, какъ на

¹⁾ „Русскіе сатирическіе журн.“ Афанасьева.

²⁾ „Запвски Добрынина“, гл. XXXIX.

нихъ наѣхали сторожевые казаки, которые и избавили жертву отъ смерти ¹⁾).

Въ то время вѣрили, какъ и теперь еще вѣрятъ, что клады по временамъ показываются то какимъ-нибудь звѣркомъ съ бѣлою шерстью, то птицею такого же цвѣта, иногда надъ кладомъ видится огонекъ необыкновеннаго цвѣта. Если какой смѣльчакъ будетъ приближаться къ этому огоньку, онъ начнетъ удаляться и заведетъ неопытнаго человѣка въ болото. Вѣрили, что призраки кладовъ являются только людямъ чистымъ, и чтобы воспользоваться кладомъ, нужно ударить призракъ наотмашь, и сказать слѣдующее: „аминь, аминь, разсыпся“!

Языческая вѣра въ существованіе домовыхъ, лѣшихъ была также очень распространенной. Нѣкоторые изъ высшаго даже класса общества вѣрили искренно, что домовый иногда перетаскиваетъ соннаго человѣка съ одного мѣста на другое ²⁾. Лѣшихъ, думали, такъ много, что они ходятъ толпами; если лѣшій обойдетъ человѣка, то послѣдній не выйдетъ изъ обойденнаго круга ³⁾. Остатки языческой суевѣрной древности выразились и въ вѣрованіи въ оборотней.

Лѣкарь шацкой провинціи Ралтау доносилъ шацкой провинціальной канцеляріи объ открытыхъ имъ оборотняхъ. Онъ писалъ: „По прибытности моей сюда, въ шацкую провинцію, приходитъ ко мнѣ много изъ деревенскихъ обывателей мужеска и женска полу, объявляя о себѣ внутренняя порчи, но токмо какія оныя порчи—въ медицинѣ и наукѣ признать невозможно, ибо уповательно какъ—черезъ еретичество.“

Нынѣшняго года февраля, во второй день, призванъ я былъ въ городъ Темниковъ, въ домъ воеводскій, для пользованія у жены его перста; и будучи въ трактѣ сталъ ночевать въ деревнѣ Будныхъ Майданахъ у крестьянина Алексѣя Иванова. Онаго Иванова мать стала мнѣ жалобы приносить, что сноха ея, Алексѣева жена Алена, уже двадцать лѣтъ съ мужемъ живетъ, а дѣтей не родить и все сохнетъ, которая ей признается въ порчи. Того-жъ вечера, послѣ свекрови пустила (въ избу?) помянутая Алена трехъ видовъ овецъ и спустила къ нимъ изъ коровья одного ягненка и загасила огонь,—въ которыхъ овецъ, погода черезъ часъ, сталъ великій стукъ, и съ хозяйкою стали человѣческимъ голосомъ сквернословить, тихо говорить болѣе двухъ часовъ, которыхъ я признаваю—едино еретичество; отчего я, отъ великаго страху и ужаста, принужденъ

¹⁾ Живоп. Обзор. 1874 г., № 22 стр. 342—3.

²⁾ „Заря“ 1871 г. кн. 12, ст. „Истор. мастер.“.

³⁾ Собр. еоч. Импер. Ек. II, т. I. 454.

изъ избы выбѣжать и разбудить имѣющагося при мнѣ города Темникова солдата Петра Жаветина, который спалъ въ возкѣ моемъ для аптеки, я велѣлъ ему огонь вздуть и послалъ за старостой Ѳеодоромъ Слезкинымъ. И промежъ того время, при огнѣ стали тѣ овцы паче человѣческимъ голосомъ репортировать съ тѣхъ словъ, что безъ огня говорили. И по приходѣ старосты, объявилъ я ему оныя безпорядки, чтобы онъ тѣхъ овецъ держалъ, и въ деревнѣ осматрѣлся, кого въ той деревнѣ въ домѣхъ крестьянъ не имѣется. Но токмо оный староста съ великимъ страхомъ отвѣтствовалъ мнѣ: „этакихъ овецъ у насъ много, и онѣ надобны, ты не фискаломъ ли сюда пріѣхалъ?“ А когда онъ услышалъ объ моемъ имени, откуда я, то онъ сталъ покорень и просилъ, чтобы я это дѣло уничтожилъ, и за то хотѣлъ, съ народомъ собрався, мнѣ поклонъ отдать, на что я ему сказалъ, что ни его поклонъ, ни тысяча мнѣ не надобны, а присяги своей не нарушу. И староста пошелъ; а овцы паки, при помянутомъ солдатѣ человѣческимъ голосомъ говорить, меня по имени, отечеству и фамиліи называютъ, также и о себѣ имена человѣческія сказываютъ; одинъ изъ нихъ Ѳеодоръ, и двое Гаврилы, и называющійся Ѳеодоромъ показался съ затылку въ видѣ дьявольскомъ; весь чернаго лица, изъ лѣваго уха высунулъ большой красный языкъ. Также много кратъ при ономъ солдатѣ мое имя, отечество и прозваніе называли и просили: „выпусти насъ!“ Напротивъ того я говорилъ: староста отступился; какъ хочеть хозяйка, а я васъ не выпущу! Объявилъ я этой хозяйкѣ: „егда ты ихъ хочешь?“ А хозяйка мнѣ объявила: „какъ мнѣ сосѣдовъ не знать!“ По которому ея отвѣту овцы начали многократно при солдатѣ человѣческимъ голосомъ говорить: „Алена, выпусти насъ!“ И тогда она, хозяйка, про прежнюю свою утайку и стыда ради, вся въ лицѣ покраснѣла и зачала плакать“ ¹⁾).

Вслѣдствіе особенно сильно распространенной вѣры въ колдовство, чародѣйство и кликушество чародѣи, чародѣйки и кликуши появлялись въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи цѣлыми десятками, не только въ сельской и деревенской глуши, объята сумракомъ невѣжества, но и въ городахъ. Вѣра въ кликушество, какъ чародѣйную порчу, была широко распространеннымъ явленіемъ не въ одной только простонародной массѣ, но и среди лицъ многочисленной бюрократіи. Такое же распространеніе имѣло вѣрованіе въ чародѣйныхъ червяковъ, пускаемыхъ по вѣтру злостными чародѣями на людей. Въ 1762 году въ Ростовѣ явилось нѣсколько женщинъ-кликушъ ²⁾).

¹⁾ Рус. Стар. VII, 725—6.

²⁾ П. С. З. т. XII, 11.698.

Изъ сенатскаго указа 1766 г. видно, что въ Переяславль-Залѣскомъ, кромѣ прежде присланныхъ въ переяславскую провинціальную канцелярію двухъ женокъ, выкликавшихъ на ямщикову жену Ѳедору Иванову, было еще десять женъ, которыя кликали въ церкви ¹⁾.

Въ 1770 г. въ Яранскомъ уѣздѣ нѣсколько безпутныхъ женокъ „дѣвокъ“, притворяясь испорченными, выкликали на восемь мужчинъ и женщинъ печенгской и устенской волостей, пускавшихъ по вѣтру чародѣйныхъ червяковъ ²⁾. Въ 1785 г. въ пинегскомъ округѣ, Архангельской губерніи, было 19 кликушъ и въ мезенскомъ уѣздѣ нѣсколько челоуѣкъ ³⁾—чародѣевъ, чародѣекъ и кликушъ ⁴⁾.

Въ Саратовскомъ совѣстномъ судѣ отъ 1786 г. по 1795 г. разбиралось пять дѣлъ о колдовствѣ и чародѣйствѣ, и каждый разъ привлекалось къ суду по нѣсколькѣ челоуѣкъ.

Въ одной собственноручной запискѣ Императрицы Екатерины II къ князю Вяземскому (года и числа не показано) видно, что въ Яранскѣ было возбуждено судебное преслѣдованіе колдуновъ и что дѣло это, дошедшее до Сената, разсматривалось самой Императрицей, которая предписала „послать въ Яранскъ кого ни есть нарочно, чтобы все точно по сенатскому приговору было исполнено“ ⁵⁾.

Колдунамъ и колдуньямъ, какъ и въ двоевѣрную старину, приписывались разнаго рода вредительныя дѣйствія. Не только простой народъ, но и дворяне были искренно убѣждены, что колдуны и колдуньи посредствомъ своихъ чаръ похищаютъ у матерей, въ моментъ рожденія, дѣтей, наводя на рождающую и всѣхъ ея окружающихъ глубокой сонъ. Болотовъ передаетъ относительно этого предмета слѣдующій любопытный рассказъ знакомой ему госпожи Темирязовой: „У одного, неподалеку отъ Тулы жившаго, помѣщика пропало семь ребенковъ. Не успѣетъ жена его собраться родить, какъ всѣ заснутъ, и сама она заснетъ также сномъ крѣпчайшимъ. И въ самое то время она родить, и ребенокъ пропадетъ и куда дѣнется, никто не знаетъ. Сей помѣщикъ, видя такое несчастіе, не зналъ наконецъ, что думать, ибо всѣ о семъ разное говорили и толковали; но какъ всѣ почти единогласно утверждали, что происходитъ это отъ какого-нибудь волшебства, то положилъ онъ искать противъ того помощи отъ такихъ же колдуновъ. Въ близости той

¹⁾ П. С. З. т. XVII, 12.568.

²⁾ П. Собр. Зак. т. XIX, 13.427.

³⁾ „Вѣстн. Евр.“ 1863 г. кн. 10, 658.

⁴⁾ „Заря“ 1873 г.

⁵⁾ „Полн. собр. соч. Имп. Екат. II“, т. III, 490.

деревни, гдѣ жила госпожа Темирязева, жилъ на мельницѣ мельникъ, весьма своимъ волшебствомъ славившійся. Всѣ почитали его наибольшимъ докою. Къ сему-то мельнику предпріялъ помѣщикъ свое приѣжище въ то время, какъ жена его восьмого ребенка родить собиралась. Онъ пріѣхалъ къ нему самъ и убѣдилъ его ѣхать къ себѣ и быть при родахъ. Однако сей мужикъ не сталъ дожидаться родовъ, несмотря на сильныя просьбы остаться; онъ сказалъ, что ему быть не для чего, а довольно, если исполнено будетъ всё, что онъ прикажетъ. Сія приказанія его, данныя имъ самому господину въ тайнѣ, состояли только въ томъ, чтобы самому ему не отлучаться ни на пядень въ то время, когда жена его рождать станетъ; что увидитъ онъ вышедшую въ то время изъ-подъ кровати черную большую собаку, у которой бы онъ, поймавъ, обрубилъ обѣ переднія лапы, и тогда всё будетъ благополучно... Что мужикъ говорилъ, то и сдѣлалось. Какъ скоро госпожа собралась родить, то всѣ разошлись и напалъ на всѣхъ сонъ. Мужъ наблюдалъ уже сіе время и не отходилъ отъ жены ни пяди. Наконецъ, заснула и сама жена его. И въ то самое время видитъ онъ превеликую черную собаку, вышедшую изъ-подъ кровати и прямо къ нему идущую. Затрепеталъ онъ тогда отъ ужаса и не зналъ, что дѣлать. Однако, собравшись съ духомъ, бросился онъ на нее, схватилъ и обрубилъ обѣ лапы и потомъ выбросилъ собаку въ окно. Не успѣлъ онъ сего сдѣлать, какъ жена его очнулась и тотчасъ родила благополучно сына. Радость была тогда неописанная у сего дворянина; онъ тотчасъ разбудилъ всѣхъ, созвалъ людей и крестьянъ и рассказалъ имъ всё происхожденіе, показалъ имъ лапы, которыя онъ отрубилъ у собаки... Примѣчанія достойно было при томъ, что всѣ люди пришли, и не было одной только старухи-мамы. Господа спрашивали о ней, куда она дѣвалась, но никто того не зналъ, и даже самые сыновья ея не видали, но сіе такъ до утра и оставили! Поутру нужно было смотрѣть за окномъ собаку, но какъ всѣ удивились, когда, пришедъ на то мѣсто, никакой собаки не нашли, но только одно окровавленное мѣсто; однако былъ кровавый слѣдъ, по сему слѣду пошли еѣ искать,—слѣдъ шелъ прямо къ рубкѣ сына мамина. Но какое было всѣхъ, бывшихъ при томъ, удивленіе, когда и въ полѣ, и въ клѣтѣ, вмѣсто мнимой собаки нашли саму маму съ обрубленными руками“. Такимъ образомъ, открылось, что всѣ прежнія пропажи младенцевъ происходили отъ нея. Она сама въ томъ призналась и сыскали всѣхъ семерыхъ, которые были у ней высушены и спрятаны въ коробкѣ. Какъ всё сіе было весьма особенное дѣло, то тотчасъ донесено было о томъ въ городъ; дѣло было изслѣдовано, и сія старуха казнена въ Тулѣ,

по обыкновению того времени наимучительнѣйшею смертію: она была сперва колесована „а потомъ ее четвертовали“¹⁾. Колдунамъ и волшебникамъ приписывали необыкновенную волшебную силу: думали, что они могутъ, при помощи магіи и волшебства, вызывать тѣни умершихъ и угадывать мысли другихъ людей. По свидѣтельству Болотова, вѣра эта была широко распространенной²⁾.

Колдовство было тѣсно связано съ чародѣйными заговорами и наговорами, какъ средствами для врачевства, вредительства, обаянія и пр. т. п. Кто хотѣлъ пробудить къ себѣ любовь другихъ, долженъ былъ носить при себѣ какіе-то нашептанные корешки, перевязанные крестъ-на крестъ волосами³⁾. У страстныхъ картежныхъ игроковъ существовали наговоры, какъ новичковъ заводитъ въ игру⁴⁾. У крестьянъ, мнительныхъ мужьевъ (Шенкурскаго уѣзда, Арханг. губ.), существовало средство испытывать вѣрность своихъ женъ, спрашивая ихъ же самихъ объ этомъ. По совѣту „травенника“ для этого нужно найти траву, которую знахари называютъ „рясна“, растетъ кустиками, маленька, синенька, по землѣ разстилается; нашедши этой травы, нужно положить стебель ея женѣ въ головы— и секретъ открытъ, — жена все скажетъ: что бывало и съ кѣмъ жила и что на тебя мыслить; положить еѣ не просто“⁵⁾. Любовники, желавшіе возбудить къ себѣ любовную страсть въ женщинѣ или дѣвушкѣ, по старой памяти, также прибѣгали къ чародѣйству. Для этого существовалъ особенный чародѣйственный обрядъ, отъ точнаго выполненія котораго зависѣлъ успѣхъ очарованія. „Въ 1760 г. сержантъ Тулубьевъ, желая привлечь къ себѣ дочь разночинки Ириану Тверитину, жившую въ Тюмени, обрѣзавъ, взялъ хлѣба печенаго ломоть и увелъ ее съ собою въ одну баню, и, совокупя къ тому хлѣбу воскъ, печину, соль, волосовъ по части, обтиралъ съ себя тѣмъ хлѣбомъ въ банѣ потъ, такимъ образомъ: на-перво съ правой руки, а потомъ съ лѣвой ноги, и скоблизъ съ ногъ своихъ ножомъ кожу, и взялъ съ парнаго вѣника три листа, и сомнетъ тотъ хлѣбъ въ одно мѣсто съ печиною, воскомъ, солью, волосами со скобленною съ ногъ кожею и съ парнаго вѣника листьевъ и сдѣлалъ колобокъ, и послѣ того въ той же банѣ изъ нея же женки Ирины такимъ же образомъ потъ особливымъ хлѣбомъ отиралъ, и снималъ по вышечисанному—и, вышедъ изъ бани, на оныя

¹⁾ „Записки Болотова“, т. II, 787—789, 786.

²⁾ Болот. т. III, 1201—4.

³⁾ Ком.: „О время“, стр. 46.

⁴⁾ Зап. Державина, 37

⁵⁾ „Отеч. Записки“ 1848 г., т. LVII, 153, смѣсь.

колобки смотря и въ имѣвшуюся у него книгу, которую носилъ при себѣ сокровенно, невѣдомо, что шепталъ, а куды оныя съ волшебствомъ хлѣбныя колобки употребилъ, того она, Ирина, не знаетъ“. (Этногр. сборн. VI, 141) ¹⁾.

Рядомъ съ самыми грубыми явленіями суевѣрія въ обществѣ не мало было и такихъ явленій, которыя происходили отъ ложно-направленнаго религіознаго чувства, отъ невѣжественнаго пониманія вѣры и предметовъ, имѣющихъ религіозное значеніе для вѣрующаго человѣка. Кто по чувству благочестія не хотѣлъ обращаться къ колдунамъ, знахарямъ и чародѣямъ, тотъ въ нужныхъ случаяхъ обращался къ тѣмъ, которые своимъ наружно-богоугоднымъ поведеніемъ давали чувствовать, что они люди высокой набожности, безукоризненно-строгаго благочестія и святости, въ силу чего они и могутъ помогать людямъ въ ихъ бѣдахъ и напастяхъ своими молитвами и ходатайствомъ предъ Богомъ.

Таковы именно были юродивые, провидцы, мнимые пророки и пророчицы, которые, прикрываясь личиною святости, въ сущности были тѣмъ же для народа, чѣмъ и чародѣи съ чародѣйками.

Въ монастыряхъ, случалось, жили мнимые провидцы—предсказатели ²⁾.

А. В. Кубинцевъ.

¹⁾ Въ книгѣ оной, вѣроятно, читалъ заговоръ, какъ приворожить дѣвушку въ родѣ слѣдующаго, записаннаго въ одной изъ позднѣйшихъ рукописей: „Истопа баню жарко, и взойди въ нее; когда взойдѣшь, возьми чистую тряпицу, сотри потъ и выжми тряпицу на пряникъ. Когда станешь потъ стирать, тогда глаголи трижды сей заговоръ: На морѣ—на кіанѣ, на островѣ на Буянѣ стояло древо, на томъ дровѣ сидѣло 70, какъ одна птица, эти птицы щипали вѣти, эти вѣти бросала на землю, эти вѣти подбирали бѣси, и приносили къ сатанѣ сатановичу. Ужъ ты видѣ (?) бѣсь! И кланяюсь тебѣ и поклоняюсь, сослужи ты мнѣ службу и сдѣлай дружбу: зажги сердце (имрекъ) по мнѣ и зажги всѣ печени и легкое и всѣ суставы по мнѣ (имрекъ). Будь мое слово крѣпко, крѣпче всѣхъ булатовъ во вѣки. Вели пряникъ съѣсть. („Вѣсти. Евр.“ 1868 г., 10, 667).

²⁾ Зап. Энгельгардта, стр. 217.